

На следующий день после подписания договора Цуй Ян отправился в деревню Пиньян.

Родовое гнездо семьи Бао было выстроено в традиционном стиле горных жилищ региона Юэ. Три основные комнаты первого этажа смотрели на юг; посередине располагался главный зал, в восточной части — кухня и столовая, а в западной, где когда-то была малая гостиная, после сдачи в аренду устроили спальню (второй этаж в пользование не давали).

Наверху, судя по всему, хранился всякий хлам. Обычно в таких домах центральную комнату наверху занимали хозяева, восточную — сын, а западную — дочь. С обеих сторон к основному зданию примыкали флигели-флигели.

В отличие от городских усадеб, горные пристройки были меньше, а двери в них располагались сбоку. Из-за того, что дом стоял на склоне, фундамент флигелей был сложен из камня и пустотел — там обычно обустраивали свинарники или отхожие места. Перед домом, в кольце построек, раскинулся уютный внутренний дворик.

Цуй Ян внимательно осмотрел всё изнутри и снаружи, прикидывая, как распределить помещения.

Центральный зал он решил превратить в мастерскую. Малая гостиная в западной части станет местом первой сушки, западный флигель — второй. В восточном флигеле разместится склад готовой продукции, а во дворе рыбу можно будет вялить на солнце.

Дом сохранился неплохо, стены требовали лишь косметического ремонта в паре мест, где подтекала вода. А вот пол стал настоящей проблемой. Видимо, предки Бао когда-то процветали: полы были не из утрамбованной земли, а выложены плиткой из синего камня, как в богатых домах уезда.

От времени плиты потрескались и расшатались — стоило наступить, как они издавали противный лязг. Земля под ними явно просела, и там наверняка кишели насекомые, а то и змеи. Это могло испортить качество сяна, так что пол нуждался в полной переделке.

Задумавшись о ремонте, Цуй Ян вдруг поймал себя на мысли: раз уж всё равно перестилать, не проще ли заказать новый камень в карьере, где работает Лу Фэн? Заодно можно узнать, полагаются ли посредникам комиссионные — если да, то пусть Лу Фэн их и заберёт.

Решив не откладывать дело в долгий ящик, Цуй Ян отправился к карьере.

Каменщики заметили его ещё издалека.

— Сяогэ Цуй! Что привело тебя сюда? — крикнули ему рабочие, зависшие на канатах у скалы.
— Почему сегодня без коромысла?

Цуй Ян вкратце объяснил, что собирается открыть мастерскую в деревне, и позвал приятеля:

— Брат Лу! У тебя есть минутка? Нужно поговорить!

Лу Фэн в это время с полуобнажённым торсом обтёсывал каменную глыбу. Он знал о планах Цуй Яна снять жильё и понял, что тот пришёл по важному делу. Оставив работу, он ловко скользнул вниз по канату.

Двигался он стремительно и уверенно — не успел Цуй Ян и глазом моргнуть, как Лу Фэн уже стоял перед ним. На юношу словно пахнуло жаром. Лу Фэн был весь в поту, но от него не несло неприятным запахом — лишь первобытной, бьющей через край мужской энергией.

Цуй Ян на мгновение оторопел и смущённо опустил взгляд. Но смотреть вниз оказалось ещё хуже: Лу Фэн был выше почти на голову, и в поле зрения Цуй Яна попала его мощная грудь. От тяжёлого дыхания мышцы ходили ходуном, а капли пота сливались в ручейки, медленно скользя по коже.

Цуй Ян почувствовал, как кончики ушей предательски запылали.

— Что случилось? — голос Лу Фэна вывел его из оцепенения.

Собравшись с мыслями, Цуй Ян рассказал о заказе камня. Он не стал прямо говорить о деньгах, лишь попросил Лу Фэна узнать цены.

Тот был неглуп и сразу всё понял. Он отвел Цуй Яна к месту отдыха рабочих и налил ему кружку холодной родниковой воды:

— Посиди пока, а я позову дядю Цю.

Дядя Цю был тем самым каменщиком, который когда-то первым купил у них рыбу. Выслушав дело, он подошёл к Цуй Яну и начал расспрашивать:

— Какой размер дома? Сколько плит нужно? Какой толщины? Укладывать сами будете или наши люди нужны?

Вопросов было много. На некоторые Цуй Ян отвечал сам, в других помогал Лу Фэн, хорошо знавший дом Бао Цюшэна.

— Я всё прикинул, — дядя Цю быстро заскрипел карандашом по дощечке. — Нужны плиты толщиной в три цуня. На дом, флигели и двор уйдёт примерно тысяча триста штук размером три на полтора чи. По пятьдесят вэней за штуку — итого шестьдесят пять гуаней. Если переводить в серебро, выйдет двадцать шесть лянов.

Цуй Ян быстро пересчитал в уме. Сейчас в регионе Юэ один лян серебра шёл за две с половиной тысячи вэней. Двадцать шесть лянов — всё верно. Он кивнул.

Дядя Цю продолжил:

— Хозяин карьера установил правило: каменщику, который привёл клиента, полагается пять процентов комиссии. Можем поделить пополам, верну тебе часть денег.

Пять процентов от шестидесяти пяти гуаней — это три тысячи двести пятьдесят вэней. Меньше, чем рассчитывал Цуй Ян, но он ведь и так хотел, чтобы заработал Лу Фэн.

— Мне ничего возвращать не нужно, — отрезал он. — Главное, чтобы плиты были качественные.

Дядя Цю просиял, а Лу Фэн, помня, что Цуй Ян сам не богат, хотел было возразить. Но старый каменщик придержал его за плечо и шепнул на ухо:

— Не отказывайся. Тебе матери на лекарства деньги нужны.

Лу Фэну пришлось согласиться.

Дядя Цю попросил Цуй Яна подождать, а сам повёл Лу Фэна к хозяину. Дела на карьере шли неважно, и заказ на двадцать шесть лянов считался крупной удачей. Владелец тут же подписал договор и вдобавок пообещал выделить Лу Фэну ещё один процент сверху.

Один процент — это больше шестисот вэней. Жалованье Лу Фэна за месяц составляло всего триста вэней, из которых половина уходила на аренду, а остального вечно не хватало даже на еду.

В уголках его глаз заплясали искорки радости.

У Лу Фэна были правильные, мужественные черты лица: густые брови, пронзительный взгляд. В толпе он всегда выделялся — из тех людей, что рождены вести за собой, как и его отец. Обычно такой облик внушал трепет, Лу Фэн казался суровым и неприступным.

Но стоило ему улыбнуться, как всё менялось. Лицо освещалось искренним восторгом, и эта радость была настолько заразной, что на неё хотелось смотреть вечно.

Цуй Ян, чьи уши только начали остывать, снова покраснел. Он попытался отвернуться, но не выдержал и опять взглянул на него.

Он не заметил, что Лу Фэн тоже смотрит на него.

У юноши были удивительные глаза: глубокие, с чистым и живым блеском. Он напоминал зверька, затаившегося в лесной чаще.

«Словно маленький кролик», — подумал Лу Фэн.

И в этот миг в его мозгу вспыхнул образ ребёнка. Малыш лет пяти-шести с такими же беззащитными, «кроличьими» глазами.

«Чэнь Сяоту!»

Имя само всплыло в сознании, заставив Лу Фэна вздрогнуть.

«Кто это? Почему я об этом подумал?» — он растерянно потер виски.

Цуй Ян тут же заволновался:

— Брат Лу, что с тобой? Голова болит?

Лу Фэн тряхнул головой, отгоняя наваждение. Взглянув на заходящее солнце, он спросил, что Цуй Ян планирует делать дальше. Дом Бао давно стоял заброшенным, ночевать там нельзя. Вернётся ли он в храм Пиньян или поспешит обратно в город?

— Пойду назад, пока светло, — ответил Цуй Ян.

Раз дом найден, нужно возвращаться, собирать инструменты и нанимать людей для перевозки. Конец августа — время, когда рыбаки снова выходят в море. Скоро придут свежие партии рыбы, нужно успеть подготовить всё к засолке. Мешкать нельзя.

Он не стал вдаваться в подробности, просто сказал, что в городе ждут дела. Лу Фэн не расспрашивал, лишь бросил:

— Я провожу тебя до уезда Шаньнань.

От Пиньяна до уездного города было три ли горной дороги. Места там безлюдные, жизнь начиналась только у городских стен. Цуй Ян не раз ходил этим путём и чувствовал себя в безопасности, поэтому попытался отказаться:

— Скоро стемнеет, иди лучше домой, приготовь ужин матушке.

Но Лу Фэн был непоколебим:

— У меня шаг быстрый, успею.

Цуй Ян не стал спорить. Попрощавшись с каменщиками, они двинулись в путь.

Осень уже вступила в свои права. Днём по-прежнему свирепствовал «осенний тигр», изматывая духотой, но к вечеру подул свежий ветерок, принося долгожданную прохладу.

Они шли друг за другом: Лу Фэн впереди, Цуй Ян чуть позади.

Цуй Ян смотрел на широкую спину идущего впереди мужчины, и на миг ему показалось, что время повернуло вспять.

В их родном уезде Шаньинь тоже были горы, хоть и не такие высокие. Почти во всех устроили карьеры, а в тех, что остались, играла детвора.

Маленьким он часто хвостиком ходил за Лу Фэном. Тот всегда опекал его: не уводил далеко и следил, чтобы они не попали в беду.

В заброшенных карьерах часто стояли глубокие лужи, вода в которых казалась чёрной. Дети порой срывались в эти ямы, застревали в расщелинах, и тела не могли найти неделями. Только когда гремела гроза и земля содрогалась, мертвецы всплывали на поверхность.

Каменщики знали об этом, и отец Лу Фэна строго-настрого наказывал сыну держаться подальше от воды. Тот запомнил это накрепко.

Цуй Ян до сих пор помнил один такой осенний вечер.

Днём стояла невыносимая жара, и он, разморенный зноем, позволил другим мальчишкам заманить себя к опасному обрыву. Он едва не сорвался в бездонную яму, когда Лу Фэн вовремя подоспел и оттащил его за руку.

— Брат Даню, я больше никогда их не послушаю, честное слово, — захлёбывался слезами маленький Цуй Ян.

Лу Фэн молчал всю дорогу до дома, и это было страшнее любого крика.

— Брат Даню, прости меня, не молчи, пожалуйста!

Отчаянный детский плач заставил подростка остановиться. Лу Фэн обернулся и вытер слёзы с

лица малыша. Его гнев угас.

Он указал на тёмную гладь воды внизу:

— Туда нельзя. У тётушки из соседнего дома было два сына, оба сгнули там. Тела достали только через полмесяца — они распухли и почернели. Тётушка так рыдала, что потом слегла.

Цуй Ян помнил ту женщину: она сошла с ума и бросалась на каждого встречного ребёнка, шепча, что в воде живут демоны. После той встречи Цуй Яну долго снились кошмары.

— Я больше не буду, — всхлипывал он тогда.

Лу Фэн снова вытер ему глаза и, взяв за руку, повёл домой.

Цуй Ян помнил тепло той руки. Сначала она была холодной от испуга, но постепенно согрелась.

Он невольно взглянул на руку взрослого Лу Фэна — широкая ладонь, мозолистая от вечной работы, длинные пальцы.

Интересно, каково это сейчас — коснуться её? Будет ли она такой же надёжной, как тогда?

«Нет!» — Цуй Ян тряхнул головой, отгоняя мысли. Он не хотел, чтобы рука была холодной от страха. Пусть она будет тёплой. Пусть её хозяин будет счастлив.

Задумавшись, он не заметил, как отстал.

Лу Фэн обернулся:

— Устал? Давай передохнём. Я привык ходить быстро, совсем о тебе не подумал.

Цуй Ян очнулся. Он не хотел задерживать Лу Фэна, ведь тому ещё готовить ужин.

— Не устал. Просто засмотрелся на горы и вспомнил кое-что из детства.

И он пересказал ему то давнее воспоминание о карьере и спасении.

Лу Фэн выслушал его, но в его глазах не было узнавания. Он лишь удивлённо приподнял бровь:

— Надо же, как ты всё помнишь. А я... я совсем ничего не помню.

— А?.. — Цуй Ян замер, чувствуя, как внутри всё померкло.

<http://bllate.org/book/17486/1708874>